

– СПб. : МИР, 2004. – 102 с.

2. Антонян, Ю.М. Преступник как предмет криминологического изучения / Ю.М. Антонян. – М. : Наука, 1981. – 45 с.

3. Сафроненко, Б.В. Характеристика личности преступника рецидивиста: психологические аспекты / Б.В. Сафроненко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2019. – № 2. – С. 147–149.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гросс Д.А.

Конституция Республики Беларусь, провозглашая высшей ценностью права и свободы человека, делегировала государству обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Следуя идее высшей ценности государства, современная доктрина правоохранительной политики должна строиться на свободах, законных интересах и правах личности. Развитие уголовно-процессуальной политики Республики Беларусь неразрывно связано с совершенствованием уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которое осуществляется в рамках общей государственно-правовой политики, преследующей цель – создание законодательной системы, реально и эффективно обеспечивающей защиту прав и свобод личности.

В научном сообществе применительно к досудебному производству определяют различные направления уголовно-процессуальной политики [1, с. 154], среди которых, на наш взгляд, наиболее приоритетными являются:

- закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам;
- активизация упрощенных форм предварительного расследования; развитие согласительных и примирительных процедур.

Многие проблемные вопросы, касающиеся примирения в уголовном процессе, поднимаются в юридической литературе, например, о категории уголовных дел, производство по которым подлежит прекращению посредством примирения сторон. Так, институт примирения потерпевшего с обвиняемым является одним из альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта без применения уголовного наказания. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) предусматривает возможность примирения потерпевшего с обвиняемым в двух случаях:

1. при производстве по уголовным делам частного обвинения (ч. 2 ст. 26 УПК);
2. при прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности (п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК).

Отсутствие определения понятия «примирение» в уголовно-процессуальном законе породило различное его толкование в юридической литературе. Наиболее удачной нам видится дефиниция, предложенная Е.В. Уховой, полагающей, что примирение – это «состоявшееся на основе добровольного волеизъявления и в порядке, предусмотренном законом, урегулирование между обвиняемым и потерпевшим уголовно-правового конфликта, а также достижение между указанными лицами соглашения относительно порядка, размера и срока возмещения причиненного вреда» [2, с. 45]. Полагаем, что таким определением можно дополнить ст. 6 УПК.

Одним из инструментов примирительной процедуры выступает медиация, сущность которой исследователи видят в сочетании двух, на первый взгляд, противоположных элементов: высокой степени автономии сторон и значительных гарантий по выработке общей позиции и достижению взаимовыгодного результата [3, с. 145].

Начало научных дискуссий о введении в белорусское уголовно-процессуальное законодательство норм о медиации было положено принятием Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672, согласно которой предусматривалось принятие мер по введению в уголовный процесс института медиации (посредничества) для внесудебного урегулирования конфликтов.

Эти законодательные идеи находили одобрение как у представителей законотворческих органов Беларуси, так и научного сообщества. В частности, Л.Л. Зайцева отмечала, что уголовный и уголовно-процессуальный закон содержит базис для появления и использования медиации, имея в виду возможность примирения по делам частного обвинения и преступлениям, не представляющим большой общественной опасности, и менее тяжким преступлениям [4, с. 303]. В.С. Каменков указывал, что воплощение медиации в уголовном процессе реализует задачу восстановительного правосудия, будет иметь существенный экономический и правовой результат (уменьшение нагрузки на суды, сокращение расходов на содержание заключенных) [5, с. 19]. Несомненный эффект медиации доказывает и мировой опыт ее использования, например, в странах англо-саксонской правовой системы до 90 % споров разрешается в досудебном порядке, в Словении – до 35 %, в Китае – до 30 % [6, с. 11].

Бесспорно, медиация как самостоятельный внеюрисдикционный способ урегулирования спора путем переговоров при содействии нейтрального лица – медиатора, имеет ряд достоинств:

- предсказуемость результата (стороны сами принимают решение по урегулированию конфликта, а медиатор только управляет процедурой взаимодействия потерпевшего и обвиняемого);

- поливариантность возможных решений (стороны не связаны предметом и основанием спора, они вправе договориться о любых условиях его урегулирования, не противоречащих действующему законодательству и отвечающих интересам договаривающихся);

- гибкость и неформальность процедуры [7, с. 19].

Применение медиации в уголовном процессе заключается в том, чтобы разрешить конфликт в более короткие сроки, вне рамок уголовной юстиции, прибегая к посредничеству третьих лиц, ориентированных на профилактику и борьбу с преступностью [8, с. 67].

Между тем идея медиации в уголовно-правовой сфере получила воплощение лишь в 2021 г., когда в УПК специальным Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» были включены элементы названного института. Отметим, что одобренная законодателем модель новоиспеченной медиации – результат компромисса, достигнутого между заинтересованными органами при ее согласовании, которая «встроилась» в УПК без существенной ломки: с одной стороны, эта модель отвечает пожеланиям правоохранителей, с другой – позволяет сторонам уголовно-правового конфликта по собственной инициативе и на добровольных началах реализовать право на примирение с участием посредника – медиатора.

Что же касается наших соседей, а именно: Российской Федерации, то данный вопрос законодательно не урегулирован. Из анализа российского законодательства запрет на применение медиации в уголовно-правовой сфере отсутствует, как и норм, регулирующих проведение такого вида медиации. Отметим, что одного процедурного фундамента недостаточно, у института медиации должна быть материально-правовая основа. На что и сделан был упор в Республике Беларусь.

Основными достоинствами в нормативном урегулировании нового института стали:

- во-первых*, терминологическое дополнение УПК (ст. 6) понятиями «медиативное соглашение» (соглашение, заключенное в письменном виде между обвиняемым и потерпевшим по результатам переговоров, проведенных посредством медиации); «медиация» (это переговоры обвиняемого и потерпевшего с участием медиатора в целях содействия

примирению названных участников уголовного процесса); «медиатор» (не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, отвечающее требованиям законодательства, участвующее в переговорах обвиняемого и потерпевшего в целях содействия их примирению);

во-вторых, введение в УПК новой ст. 30¹ «Примирение обвиняемого с потерпевшим», уточняющей, что медиация рассматривается как дополнение к институту примирения. Особенностью данной правовой нормы является установление принципа добровольности примирения, наличия обоюдного желания и согласия обвиняемого и потерпевшего для достижения примирения между собой, в том числе с помощью выбранного ими медиатора, а также возможность прекращения производства по уголовному делу при достижении примирения сторон по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлениях (п. 5 ч. 1 ст. 29, п. 4 ч. 1 ст. 30¹ УПК).

Отметим, что нововведенная статья будет способствовать активизации примирения, которое имеет, пусть и небольшую, но все-таки положительную практику применения в судебной деятельности. Так, по официальным данным Верховного Суда Республики Беларусь число лиц, уголовные дела которых прекращены судом первой инстанции в связи с примирением с потерпевшим, составляет 393 (из 34 864 рассмотренных за 2022 г. дел), 355 (из 33 214 рассмотренных за 2021 г. дел) и 565 лиц (из 32 010 рассмотренных за 2020 г. дел) [9].

В то же время законодательная модель примирения, в том числе путем заключения медиативного соглашения, имеет некоторые пробелы, что затрудняет ее практическое осуществление.

С целью распространения медиации и более эффективного его практического применения предлагаем следующие дополнения в уголовно-процессуальном законодательстве:

1. предусмотреть обязанность органа, ведущего уголовный процесс, разъяснять обвиняемому и потерпевшему их право на примирение (а в предусмотренных УПК случаях – их законным представителям), в том числе с участием медиатора;
2. уточнить возможность примирения обвиняемого с потерпевшим на любой стадии уголовного процесса до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора;
3. определить срок примирительной процедуры в пределах одного месяца.

Таким образом, действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь характеризуется поиском наиболее эффективных процессуальных форм и введения упрощенных процедур. Этим объясняется реформирование уголовно-процессуальных норм, регулирующих процедуру примирения потерпевшего с обвиняемым. Медиативное соглашение в рассматриваемом контексте – дополнительный процессуальный инструмент по примирению обвиняемого с потерпевшим, планомерный шаг по введению в национальное законодательство элементов восстановительного правосудия. Отметим, что отечественная модель медиации не является «слепым» копированием ее зарубежных аналогов, а имеет свой национальный колорит.

Представляется, что изложенные нами выше предложения о корректировке норм УПК, регламентирующих примирение, в том числе с участием медиатора, достойны внимания законодателя и направлены на усовершенствование правового режима использования медиативных технологий в уголовном процессе.

Литература:

1. Зайцев, О.А. О реализации современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации / О.А. Зайцев // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 152–156.
2. Ухова, Е.В. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве / Е.В. Ухова. – М. : Изд-во «Юрлитинформ», 2008. – 144 с.
3. Дячук, М.И. Медиация – потребность современности / М.И. Дячук // Вестн. Ин-та законодательства Респ. Казахстан. – 2019. – №1 (55). – С. 140–145.

4. Зайцева, Л.Л. Восстановительное правосудие – альтернатива уголовному наказанию / Л.Л. Зайцева // Судебная практика в контексте принципов законности и права: сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Тесей, 2006. – С. 298–306.
5. Каменков, В.С. Медиация в уголовно-правовой сфере в Беларуси и других странах / В.С. Каменков // Законность и правопорядок. – 2015. – № 4. – С. 18–23.
6. Мурзанова, Е.А. Медиация – способы и задачи урегулирования споров: опыт зарубежных стран / Е. А. Мурзанова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. – № 4. – С. 10–14.
7. Примирительные процедуры в суде / под ред. А. Д. Карпенко. – СПб. : ООО «Аргус», 2014. – 127 с.
8. Карягина, О.В. Перспективы медиации в российском уголовном процессе: зарубежный опыт примирительных процедур / О.В. Карягина // Рос. юстиция. – 2011. – № 6. – С. 66–68.
9. Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.court.gov.by/>. – Дата доступа: 28.11.2023.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ БЛОКЧЕЙНА ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПРОЗРАЧНОСТИ И УМЕНЬШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ

Даниленко Д.-С. В., Шарейко В.В.

Интернет-технологии играют ключевую роль в борьбе с коррупцией в современном мире. В данном исследовании мы обращаем внимание на две технологии, базирующиеся на блокчейне, которые способствуют противодействию коррупции.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть понятие коррупции и как цифровые технологии связаны с ее противодействием. Согласно закону РБ "О борьбе с коррупцией (в редакции 2022 года)", коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного;

Ончейн-голосования и цифровые валюты, то есть цифровые технологии, которые мы рассматриваем в этой работе, основываются на блокчейне. Чтобы корректно определить влияние цифровых технологий на противодействие коррупции, дадим ему определение.

Блокчейн – это децентрализованная база данных, где информация хранится и обновляется на множестве компьютеров (узлов) по всей сети, вместо централизованного сервера или учреждения. Также под блокчейном понимается цепочка блоков, то есть непрерывная последовательность блоков, каждый из которых содержит данные, зашифрованные и связанные с предыдущими блоками при помощи криптографии. Эта последовательность формирует цепочку транзакций или событий. За счет того, что данную последовательность невозможно подделать, из блокчейна вытекает множество плюсов, таких как надежность, прозрачность, отслеживаемость, эффективность и гибкость в использовании.

Ончейн-голосования – это голосования, которые происходят онлайн с использованием